

венство, вошли в сборник слов, составленный самим автором, и при жизни его получили широкое распространение. Настроение общества было подготовлено этими сочинениями. Сознание необходимости реформы как монастырского, так и церковного быта нарастало даже в правящей среде. Жизненность обличений Максима была велика.

§ 7. И светские правящие феодалы нашли свое место в обличениях Максима Грека. Это замечательно тем более, что взаимная культурная близость между Максимом и виднейшими представителями московского боярства двух поколений вне всякого сомнения. Достаточно назвать красноречивые имена И. Н. Берсеня-Беклемишева, кн. Вассиана Патрикеева, Ф. И. Карпова, кн. П. И. Шуйского, кн. Курбского и др., чтобы вспомнить, насколько тесны были эти связи. Но дружба и близость с лучшими представителями боярства не заслонила от взора Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящего слоя. Раскрытие их посвящены два произведения: 1) «Слово о неизглаголаннѣмъ божиѣ промыслѣ, благости же и человеколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующиѣхъ» и 2) «Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія.» Оба произведения, как надо думать, относятся по времени своего возникновения к эпохе середины и конца 30-х годов XVI в., т. е. к ранним годам малолетства Грозного.

§ 8. Первое Слово¹ интересно, главным образом, как обличение злоупотреблений в суде. Сначала Слово говорит о промысле божием в отношении человека и проявлении его, начиная с Адама в течение всего ветхого завета. Изображая дары благодати и человеколюбия божия, Максим ставит затем вопрос, как благодарим мы бога за эти «дарованія»: «Мы же окаянии и неблагодарнии, что противу сихъ безчисленныхъ его преблагихъ дарованій воздаемъ ему?»² и отвечает на него новым вопросом: «Мы же, таковаго преблага и щедра владыку имуще и спаса, и толик их богоданныхъ дарованій отъ него сподобльшесе, чесо ради сице безумно и неблагодарственно прилежимъ къ нему, и ниже, аки сынъ славить отца своего, славимъ его, ниже, аки рабъ боится господина своего, не боимся его, но всякими образы безчестуемъ его и лютѣ огорчеваемъ, попирающе спасительныя заповѣди его и якоже языцы незнающе бога жителствующе?»³ Максим заявляет, что упреки в нарушении заповедей относятся и к тем, кто является носителями власти. «Кто же не и мы, елицы во властѣхъ

¹ Это Слово следует считать написанным около 1537 г.

² Каз. изд., II, стр. 197.

³ Ibid., стр. 198.